

СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКА ПОВЕСТИ И. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

Слово у И. Шмелева – великая сила, живая плоть его идей. Повесть «Лето Господне» отличает яркий, образный, сочный язык. В произведении отражена разнообразная, пестрая жизнь московского купечества, духовенства, рабочего люда, что предполагает наличие в языке повести многочисленных образных средств: **эпитетов** («живые перышки» зеленого лука, «румяные блины»), «золотые, малиновые звездочки», «бархатный... живой огонь» огарков свечей, вставленных умельцем Андрейкой в выдолбленные стамеской огурцы и бураки), **сравнений** («не огурец – хрящи», «капель спешит-барабанит, как ливень дробный», «зеленые куски льда – будто постный лимонный сахар», «пушечка моя как золотая», «широкая золотая полоса» солнца «как новенькая доска»), **лицетворений** («дремлет душа, устала», «мои шары гуляют... я их выпустил погулять на воле, чтоб пожил дольше», «капельки с сараев радостно тараторят наперебой»), **метафор** («счастье мое миндальное», о Благовещенье – «голубиный праздничек», о заботливом и справедливом хозяине – «ангел чистый», «золото ненаходное», о Горкине – «сама правда», о маленьком осиротевшем Ване – «голубочек... сиротливый»).

Описания в повести характеризуются концентрацией образных средств разных типов (метафор, сложных эпитетов, сравнений) во взаимодействии с **повторами**, например, описание арбуза: «Темные по нем полосы, наполовину врезан, алый-алый, сахарно-сочно-крупчатый, светится матово слезой снежистой, будто иней это на нем, мелкие черные костянки в гнездах малинового мяса... и столь душистый, – так все и услышали: свежим арбузом пахнет, влажной прохладной свежестью».

Текст насыщен **народно-поэтической речью и фольклорными выражениями**: автор объединяет слова разных частей речи и различной семантики (алый-сахарный, кресты-медальки, хорошо-уютно), часто использует глагольные сближения (пропоют-прославят, протрубить-поздравить, горит-чадит).

Речь героев пересылана **поговорами и пословицами**: «с пылу с жару на грош пару», «перелом поста – шука ходит без хвоста», «подошли спасы – готовь запасы», «коли репица ежом, не вытянет гужом» (последнее о возрасте лошади). Даже незадолго до смерти в разговоре с Горкиным отец невесело шутит: «Эх, делов-то – пуды, а она – туды».

Семья Шмелевых религиозная, благочестивая, поэтому в речи и отца, и маленького Вани, и особенно «великого молитвенника» Горкина часто употребление **церковной лексики**: «стояния», «ангели лики укрывают», «усекно-

вление главы Крестителя Господня», «доброусердие ко храму Божию», «священные хоругви».

Текст повести включает многочисленные цитаты из молитв, церковных песнопений, Священного Писания и житий, что углубляет изображаемое и способствует символизации образов. Например, финал главы «Покров»: «Я смотрю на ламбадку, за ламбадку... в окно, на звезды, за звездами. Если бы все увидеть, как кто-то видел, в старинном граде!.. Стараюсь вспомнить, как Горкин учил меня вытвердить молитву, новую, Покрову... Нет, не помню... только короткое словечко помню: «О, великое заступление печальным... еси...». Писатель употребляет с заглавной буквы слова, обозначения, связанные с религией и Богом.

Особый, неповторимый колорит создают речи героев с присущими им орфоэпическими особенностями. Например, отец, не закончивший курса в Мещанском училище из-за смерти дедушки, может сказать «делов», «кумпол», «дозволение от квартального». Василь-Василич и Горкин, выходяцы из Ярославской губернии, «покивают»: «володимирцы», «косатик», «робрята», «аменинник», «в пролуби искупаю», «энти», «с анделом проздравлюсь».

Слово у Шмелева является объектом чувственного восприятия и эстетической оценки: «Рождество... Чудится в этом слове крепкий, морозный воздух, льдистая чистота и снежность. Самое слово это видится мне голубоватым».

Речевые средства передают разнообразные чувственные ощущения, взаимодействуют с бытовыми деталями, показывают изобилие и красоту русской жизни: «Глядим – и не можем наглядеться, такая-то красота румяная! и по всем комнатам разливается сдобный, сладко-миндальный дух... И всякие колбасы, и сыры разные, и паюсная, и зернистая икра, сардины, кильки, копченые рыбы всякие... и хрящи разварные головизны мягкие, будто кисель янтарный, и всякое заливное, с лимончиками-морковками...».

Для писателя очень важна интонация повествования, которую заметил еще И. Ильин, сказав, что «Лето Господне» написано тоном «поющего описания». Это наполняет роман живой речью и фиксируется в тексте изменением графического начертания слов: «...Свя-ты-й... Без-сме-э-эртный... По-ми-и-луй... на-а-ас...». Речь повести эмоционально окрашена.

Таким образом, Шмелев в своем произведении восстанавливает уже утраченную старорусскую, старомосковскую речь. Его язык живой, каждое употребленное слово, каждая народная присказка дают ощущение реальности людей.

Литература:

1. Шмелев И.С. Лето Господне. Богомолье. – М., 1991.
2. Ильин И.А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. – М., 1991. – С. 135-196.